

9. Гуревич А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.
10. Риттер Э.А. Зулус Чака. М., 1989.
11. Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т.1.
12. Долгов В.В. «Зло есть женская прелесть» (сексуальная жизнь древних русов XI–XIII в. и их отношение к женщине // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М., 2003.
13. Николаева И.Ю., Карначук Н.В. История западноевропейской средневековой культуры. Часть I. Культура варварского мира. Томск, 2001.
14. Николаева И.Ю., Карначук Н.В. История западноевропейской средневековой культуры. Часть II. Культура рыцарской среды. Томск, 2003.
15. Репина Л.П. Мужчины и женщины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
16. Пушкарева Н.Л. От «His-story» к «Her-story» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М, 2001.
17. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.
18. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, 2003.
19. Лойберг М.Я., Шляпентох В.Э. Общие факторы формирования феодальной системы хозяйства в Восточной Европе // Тезисы докладов и сообщений девятой (таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1966 г.). Таллин, 1966.
20. Древняя Греция. М., 1956.
21. Курилов М.Э. О ритуально-обрядовом характере женской агонистики в классической Спарте // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М, 2003. № 6.
22. Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990.
23. Антонян Ю.А. Отрицание цивилизации: канибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. М., 2003.

Т.И. Зайцева

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ «ЖЕНСКИХ» И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Томский государственный педагогический университет

Исторические женские, позднее гендерные, исследования развернулись на Западе с конца 60-х годов XX в. под влиянием женского общественного движения, появления нового междисциплинарного научного направления – «женских исследований» и внутренних трансформаций исторической науки. Этот процесс начался в США, и до сегодняшнего дня североамериканская школа сохраняет ведущую роль как в теоретической области, так и в сфере конкретных исследований.

Современная гендерная история – одна из самых бурно развивающихся исторических субдисциплин. Выходит с трудом обозримое число монографий и особенно статей (см., напр., библиографии Л.П. Репиной и Н.Л. Пушкаревой [1, с. 106–158; 2]). Поэтому перед историком, выбравшим «женскую тему» основным предметом своей научной деятельности, встают неизбежные трудности. Какие исследования проделаны и какой опыт накоплен; в чем заключается эвристический потенциал данного подхода? Где провести грань между «женской» и гендерной историей; как осуществить в конкретно-историческом исследовании «гендерный анализ социально-исторических явлений»? Эти вопросы не имеют простых ответов.

Задача данной статьи – рассмотреть основные тенденции развития данного историографического

направления и попытаться выяснить, как вписываются немецкоязычные исследования «женской истории» в международный контекст.

«Женская тема» привлекала внимание историков уже начиная с XIX в. в связи с «первой волной» феминизма. Формирование «женской истории» на рубеже 1960–70 гг. XX в. как отдельной исторической субдисциплины имело как социальные, так и внутринаучные предпосылки. Последовательницы женского движения «второй волны» выступили с критикой традиционной «мужской» науки. Сформировалось новое научное направление – «женские исследования». В отличие от изучения «женского вопроса», учеными-мужчинами в них придается значение именно женской исследовательской практике, учитывается фактор «личного опыта подавления».

На первом этапе своего существования «женская история» занимала промежуточное положение между областью исторической науки и частью феминистического движения, с которым сохраняла близость; проводимые в ее рамках исследования не всегда отличались строгой научной объективностью. Главная задача виделась в восстановлении забытых женских имен и изучении истории угнетения женщин. Это предопределило известные трудности развития нового направления, маргиналь-

ность его положения среди других исторических дисциплин.

Ситуация начинает меняться с середины 1970 гг. Исследовательский интерес перемещается на анализ отношений господства в обществе. Позиции «женской истории» в исторической науке расширяются, повышается ее академизм. В университетах вводятся новые образовательные курсы. В 1975 г. была объявлена особая «Декада женщин»; ее основной идеей было составление долгосрочных координированных международных проектов по изучению «женской истории». На XVI Международном конгрессе исторических наук в 1985 г. проблема «Женщина и общество» впервые была объявлена одним из направлений. В 1987 г. возникает Международная федерация исследователей истории женщин [3].

Важной вехой развития «женской истории» на рубеже 1980–90 гг. стало осуществление международного исследовательского проекта «История женщин на Западе» под редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро, в котором приняли участие такие известные ученые, как Натали Земон Дэвис, Арлетт Фарж и др. Результатом этого проекта стало издание пятитомного обобщающего труда, охватившего западную историю с древности до наших дней [4].

Со стороны других исторических направлений отношение к «женской истории» было различным. Представители традиционной науки долгое время предпочитали не замечать ее, последователи «новой социальной истории» вступали с представительницами исторической феминологии в полемику. Так, Дж. Помата (Италия) отмечал, что «история женщин» зачастую представляет собой историю мужских дискурсов о женщинах – т.е., скорее, самих мужчин [5, р. 28–30]. С критикой ряда положений исторической феминологии выступил в 1985 г. знаменитый английский социальный историк Л. Стоун [6, S. 312].

На рубеже 1980–90 гг. как ответ на развитие «женской истории» появляется так называемая «история мужчин». В ее рамках начинают изучаться история гомосексуализма (большое влияние на новое направление оказали американские гей-штудии), история мужественности и мужской идентичности, история отцовства, мужской чести и пр. Исторической андрологии так же, как и «истории женщин», пришлось на первых порах испытать трудности признания и скептицизм.

У «женской истории» сформировались собственный концептуальный аппарат и области исследования. Сильное влияние на нее, в частности, оказала неомарксистская теоретическая модель, согласно которой семья, домохозяйство и отношения полов являются производными от средств производства. Другое направление связано с феминисти-

ческой критикой идеологии патриархального общества. Основой его стало положение о сверхживучести патриархальной системы, которую не сломили радикальные социально-экономические сдвиги и революции, т.к. она была ассимилирована с социально-экономическими, политическими и культурными структурами; и только в современную эпоху наступает их конфликт. Некоторые ученые придерживаются прогрессистских взглядов и ведут поиски позитивной динамики в истории женщин; другие отрицают таковую, по крайней мере, до начала Новейшего времени. Одно из активно разрабатываемых направлений сосредоточено на изучении истории представлений о женщинах [7, с. 411–413; 8, с. 33].

«Женская история» на всех этапах своего развития добавляла женские имена в историю. В итоге в учебниках появились страницы, посвященные выдающимся женщинам, социальному положению женщин различных социальных слоев, их повседневной жизни. В рамках «женской истории» нашли себе место изучение женского движения, форм организации, жизненных концептов и жизненных сфер женщин [9, с. 55].

Согласно выработанной в 1970 годы концепции «соединяющихся сфер», в доиндустриальных обществах существовали две соединяющиеся области бытия, значимые и для раннеиндустриальной эпохи: публичная – социально-экономическая и частная – сексуально-репродуктивная. Вскрытие противопоставления «приватного и публичного» и задача эмансипации женщин в приватности – главное положение «нового» женского движения стало центральным в исторической концепции «женской истории». Это привело к рождению таких новых тем исследования, как дискриминация женщин в образовании, профессиональной деятельности, домашней сфере, в сексуальных отношениях, в супружестве и семье. Развернулось изучение истории домашней работы, материнства и воспитания детей, прислужничества и найма и пр.

С момента возникновения «женской истории» одной из задач стало переосмысление традиционной периодизации истории. Была осуществлена переоценка ряда важнейших исторических периодов. Как утверждала американская исследовательница-историк Дж. Келли, для женщин прогресс в Афинах означал конкубинат и затворничество жен граждан в гинекеях; в Европе эпохи Возрождения – привязывание жены буржуа к дому и эскалацию «охоты на ведьм», а Великая французская революция открыто исключила женщин из завоеваний свободы, равенства, братства. В статье «Было ли у женщин Возрождение?» (1977) Дж. Келли приходит к выводу, что у женщин не было Ренессанса. В коллективном исследовании Р. Брайденталь и

К. Кунз «Становясь видимыми. Женщины в европейской истории» (1977) авторы принимают традиционную периодизацию, но показывают, что исторические сдвиги мужчинами и женщинами переживались по-разному. Представления Дж. Беннет о неизменности положения женщин в европейской истории и их непрерывном угнетении отразились в названии и содержании ее книги «Неподвижная история» (1988) [1, с. 26; 10, с. 106].

Сильное влияние на «женскую историю» (как и позднее на «историю полов») оказала «новая социальная история», субдисциплиной которой она иногда считается. «Женская история» широко использует новаторские подходы социальной истории в постановке вопросов, методический инструментарий и систему понятий, но подходит к ним критически. Так была показана ограниченность теории модернизации, в частности, нераспространенности ее на женщин [11, с. 142–143].

В настоящее время изучение «женской истории» объединяет сотни университетских курсов, специализаций, исследовательских программ в большинстве европейских стран. Ежегодно проходят конференции, в том числе и международные. Исследования, посвященные этой теме, охватили все века, от первобытности до настоящего времени, и представляют собой междисциплинарные, обобщающие результаты научных разработок в различных областях гуманитарного знания. Большую роль в популяризации «женской истории» сыграла периодическая научная печать – прежде всего, французский журнал «Annales: Economies, Societes, Civilisations», английский «Past and Present» и немецкий «Geschichte und Gesellschaft», а также феминистские издания – журналы «L'Homme», «Signs» и др. [3; 8, с. 29] Развитие исторической феминологии способствовало расширению профессиональной деятельности женщин-историков.

Исторические «женские» исследования в Германии прошли в чем-то сходный, в чем-то специфический по сравнению с другими национальными школами на Западе путь развития. «Женская жизнь в истории» до социальных потрясений 1960 годов складывалась непросто. Уже начиная с эпохи Веймарской республики, женщины становились учительницами, но не университетскими профессорами (за редким исключением). Женщины редко являлись и объектами диссертационных исследований. Эта ситуация продолжалась до конца Второй мировой войны, после которой происходит общий рост профессиональной занятости женщин [12, с. 264]. В 1960 годы наблюдается академизация женщин: они появляются в числе университетской профессуры. Сформировавшиеся в связи с феминистическим движением женские объединения проникают в университеты и приносят с собой но-

вую проблематику. В 1970 годы происходит организация «женской истории» как научного направления (которая совпала по времени со всплеском в ФРГ после почти безраздельного господства классического историописания исследований авангардного толка [13, с. 16]). В «Берлинском летнем университете для женщин» в 1976–1977 гг. впервые была создана и существовала до 1986 г. секция по «истории женщин». «Женский вопрос» обсуждался на «Исторических днях» в Берлине в 1984 г. С 1979 г. Анетт Кун вместе с Й. Рюзен стали издавать научную серию «Женщина в истории». Начинается публикация текстов представителей мировой науки. Росту известности нового направления, а также преодолению некоторых существующих перекосов способствовала дискуссия, развернувшаяся в начале 1980 гг. между А. Кун и представителем «социальной исторической науки» Ю. Кокка на тему «Женская история между наукой и идеологией» [6, S. 312; 14, с. 18].

В 1980 годы в «женские исследования» приходят исследовательницы, не связанные с феминизмом; началась волна публикаций. По древней истории к этой теме обратилась Б. Вагнер-Хазель. Специалист по раннему Средневековью А. Вернер инициировал средневековые исследования. В 1986 г. У. Фреверт, а в 1992 г. Х. Вундер обращаются к раннему Новому времени. Новая проблематика была представлена в монографиях Э. Брукмюллера «Социальная история Австрии» (1985) и В. Троссбаха «Крестьяне 1648–1806» (1993), посвященных социальной истории. Политической истории эпохи Нового времени посвящает с 1998 г. свои исследования Х. Духхард. (Н.Л. Пушкарева отмечает, что среди немецкоязычных специалистов по исторической феминологии сравнительно много историков-мужчин – хотя женщин все равно больше [8, с. 37]). Материалы этих и других исследований попали в учебники [15].

Много внимания уделяется изучению нового и новейшего времени: истории эпохи кайзеровской Германии, Веймарской республики, нацизма. В ГДР особую популярность приобрела история женщин-работниц при капитализме. В начале 1980 гг. появилась и «история мужчин» (первыми к ее изучению обратились Л. Ропер, У. Фреверт [6, S. 311, 320]).

Поворот от чисто «женской истории» к «истории полов» сопровождался переосмыслением предмета, концептуального аппарата и методологических принципов. Предпосылками появления гендерной истории на Западе стали открытия в эндокринологии и психоанализе, которые способствовали выделению понятий рода как биологического пола и гендера как пола социального.

Р. Хоф определяет гендер как «социально-культурный конструкт социальности» [16, с. 25]. Цент-

ральным пунктом гендерной концепции стала критика эссенциализма – представления о неизменности бинарной оппозиции мужчин и женщин и асимметричной конструкции половой структуры.

Широкое использование понятия «гендер» началось с конца 1970 годов. Формируется особое направление в системе гуманитарного знания, имеющее междисциплинарный характер – гендерные исследования. В круг дисциплин гендерных исследований входят гендерная психология, гендерная политология, гендерная социология, «культурные исследования», философская антропология, постколониальные исследования. В их рамках вводятся и разрабатываются понятия гендерной идентичности, гендерных ролей, гендерной стратификации, гендерной системы, гендерного контракта и гендерного конфликта, гендерного дисплея. Изучается процесс конструирования гендера, приписывание к гендеру. Исследователи стремятся к выявлению связи гендерных отношений с распространением власти в обществе.

К началу 1980 гг. гендерная концепция «встретилась» с «женской историей» и стала проникать в область конкретных исследований. Появление гендерной истории стало результатом развития и профессионализации исторических женских исследований и вставшей перед ними необходимости теоретизации.

Уже в 1976 г. американская исследовательница раннего Нового времени Н.З. Дэвис в своей статье «“Женская история” на переходе: европейский вариант» писала о специфике социальной категории гендера в языке. Гендерная история, по мнению ученого, должна анализировать взаимные связи между полами, которые конституируют их половую принадлежность и формируют асимметрию гендерного порядка [6, S. 315].

Большую роль сыграла статья другой американской ученой Джоан Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа» (1986). В ней были сформулированы основные теоретико-методологические положения гендерной истории, которые стали предметом активного обсуждения. Два исходных положения исследовательницы состоят в том, что гендер является, во-первых, основополагающим элементом социальных отношений, которые базируются на разделении полов; во-вторых, средством обозначения и оправдания властных отношений, конструирующихся в исторической действительности. Дж. Скотт предлагала использовать аналитическое качество категории гендера для анализа социального неравенства наряду с такими понятиями, как класс и раса [7, с. 407–408; 17, с. 45].

Однако практическое воплощение гендерной методологии вызвало серьезные трудности. В ряде случаев обращение исследователей к гендерной ис-

тории оказывалось простым переименованием. Сохранялась старая риторика исследований – описание женского опыта и фактов угнетения женщин вместо изучения процесса и «загадок» конструирования гендера. Появляются и первые удачные практические опыты – например, сравнение отношения мужчин и женщин к одним и тем же явлениям (ко времени брака, повторной женитьбе, чести и пр.) [9, с. 63].

Сильное влияние на язык и риторику исторических исследований оказали социологические концепции. До начала 1990 гг. в гендерных исследованиях господствовал социально-конструктивистский подход, для которого характерен интерес к социальным структурам. Согласно социологическим теориям, предложенным Т. Парсонсом, Т. Лукманом и П. Бергером, И. Гоффманом и др., реальность, и гендерные различия в том числе, является результатом социального конструирования. Важное значение приобрели понятия гендерной идентичности, социальных – и в том числе половых – ролей и институтов социализации. Задача исследователей виделась в том, чтобы анализировать процессы и механизмы усвоения общественных ролей индивидом.

Начало 1990 гг. ознаменовалось изменением общей научной парадигмы, связанной с формированием философии постструктурализма. Особенно значительную роль в этом процессе сыграли теоретические положения французского философа Мишеля Фуко (1926–1984). Главный тезис произошедшего в рамках постструктурализма так называемого «лингвистического поворота» заключается в том, что активное участие в моделировании социальной действительности принимают язык и практика речевого поведения (так называемый дискурс). Теория «власти говорящего» поднимает проблему скрытых за языком стратегий власти. Исследовательский интерес перемещается на микроуровень власти, где она обычно не замечается (см., напр.: [18; 19]).

Постструктурализм оказал сильное влияние как на феминизм, так и на собственно гендерную историю, представительницы которой, как и сторонники «лингвистического поворота», стремились к изменению сложившихся в науке представлений, к расширению методов и концептов, к подчеркиванию фактора власти [11, с. 136–137]. Американская исследовательница Л. Хунт предлагает использовать инструментарий постструктуралистских методов для исторического анализа текста. Она выступает за деконструкцию «метанарратива» всеобщей истории и его реконструкцию исходя из понятий гендерной истории. Феминистки настроенные историки У. Штрассер (США) и К. Халл (Великобритания) выдвинули свои версии «лингвистического поворота» [6, S. 316–317]. Концепции истории женщин как истории доминаций и символического на-

силия предложили французские ученые П. Бурдьё и Р. Шартъё [20, с. 201–202; 21, р. 40–47; 22, р. 63–66]. Таким образом, 1990 г. стали периодом теоретического осмысления гендерной истории и ознаменовались переносом интереса от структур к индивиду.

Если «историческая феминология» занимала в системе исторических наук маргинальную позицию, то гендерная история оказалась более «корректной», менее идеологичной, т.е. не связанной столь явно с феминистической теорией и феминистическими задачами. Ей присуща большая академическая респектабельность. Вместе с принятием во внимание и постоянным учетом «мужского фактора» к исследованиям подключились и ученые-мужчины.

Современная гендерная история включает историю женщин, историю мужчин, историю гомосексуализма и историю взаимоотношений полов. Гендерный анализ дополняет анализ множественности социальных связей. Гендерная история использует разработки теоретиков феминистического движения, междисциплинарные научные методы, общие для «новой социальной истории» концепции и свои собственные категории и понятия. Исследовательницы стремятся к применению микроисторических или историко-антропологических подходов [10, с. 104].

Среди проблем, которые ставятся в исторических гендерных исследованиях, можно назвать противоречия закономерностей «женской» и «всеобщей истории». Почему жизненные условия женщин ухудшаются именно тогда, когда, согласно традиционной историографии, происходит поступательное общественное развитие? Почему вновь и вновь разделение полов стараются представить как естественный процесс? Ведется эмпирическое исследование связанной с полом социализации, изучаются формы половой идентичности в семье. Большое внимание уделяется изучению литературного дискурса и его связи с социальной действительностью, особенно в переходные эпохи; вводятся и разрабатываются понятия женского и мужского письма.

Много внимания в рамках гендерной истории продолжает уделяться изучению «женской темы». Исследуются «изображения женственности»: *femme fatale* (роковая женщина), блудница, святая и пр., и их функции; выявляются желательные и обременительные общественные идеалы для женщин. Важным шагом стало осознание наличия социальных различий внутри женского сообщества – того факта, что зачастую речь ведется о «белой женщине среднего класса». «Золотая клетка» и критика сексизма, как главные проблемы этой части женского сообщества, оказываются несущественными для представительниц других социальных групп.

Одной из центральных категорий, привлекающих исследовательский интерес, является женский опыт; психоаналитический и марксистский подходы ставят его в зависимость от психологии развития или от экономических пертурбаций. Изучаются латентные формы политического поведения женщин [16, с. 28–32].

Границы между гендерной и «женской историей» размыты, точного разделения нет, но есть определенная перестановка акцента. Женские исследования осуществлялись в традиционных исследовательских формах, стремясь к тому, чтобы назвать различия между мужчинами и женщинами, к сбору информации о женщинах и от женщин. А гендерная история стремится не к продолжению критики притеснения женщин, но к критическому анализу механизмов иерархизации [16, с. 40]. Цель современной гендерной истории видится в написании «новой» всеобщей истории, включающей анализ общественной иерархии, основанной на гендерных нормах, стереотипах, идентичностях.

В немецкоязычных исследованиях понятие «гендера» стало применяться начиная с Карин Хаузен, предложившей в 1976 г. понятие «поляризации гендерного характера». Исследовательница объясняет корни стереотипов половых ролей разделением семейной жизни и рабочей деятельности. Как она показывает, острый дуализм характеров мужского и женского полов был «изобретен» в последней трети XVIII в., чтобы обосновать вытеснение женщины из области трудовой деятельности в задуманную как контраст сферу частной семейной жизни с помощью аргументов о соответствующих женскому существу склонностях и этическом предназначении женщины. Хаузен анализирует традиционную картину «всеобщей истории» с мужской дефиницией человека – субъекта и с исключением из этого определения женщин [16, с. 36; 23, с. 122].

Другая программная для гендерной истории статья «Исторические женские исследования: постановка вопроса и перспективы» (1983) принадлежит Гизеле Бок. Она пишет о сходстве и различии «женской» и традиционной, «женской» и гендерной истории. Ее интересует специфика историописания полов, в котором женский опыт учитывается так же, как и опыт мужчин [6, S. 312, 315; 14, с. 18].

Ряд теоретических положений по поводу современных прочтений категории «гендер» был высказан Х. Ландвир (1993), А. Майхофером (1995), У. Даниэль (2001).

Распространение гендерных исследований в конкретно-исторической области в Германии происходит в 1990 годы; они связаны генетически с «женской историей». Одним из известных специалистов в изучении «женской» и гендерной истории

раннего Нового времени является Хайде Вундер. Ее перу принадлежит множество публикаций; она является редактором многих научных сборников и руководителем целого ряда исследовательских проектов. Среди используемого Вундер методологического инструментария можно назвать концепции М. Вебера, П. Бурдьё, теорию модернизации, теоретическую модель Дж. Скотт. Спектр тем, к исследованию которых она обращается, чрезвычайно широк. Исходя из концепции «сдвига XVIII века», Вундер проводит анализ христианской антропологии полов и норм и институтов гендерной системы, исследования исторического, политического и юридического дискурсов о гендерном порядке. Она обращается к изучению гендерных отношений в среде бюргерства и низшего дворянства и выявляет сходство их социальных позиций и интересов в эпоху раннего Нового времени. В своих исследованиях ученый затрагивает династическую историю, с одной стороны, и историю «работниц, экономок и домохозяек» – с другой. Еще один исследовательский интерес Х. Вундер касается истории мужественности, изучение которой осуществляется на основе мужских автобиографий (см., напр.: [24–27]).

Мы попытались выделить основные вехи развития двух популярных исторических субдисциплин – «женской» и гендерной истории, назвать наиболее важные с нашей точки зрения имена и исследования, выделить изучаемые проблемы и темы, ключевые термины. В целом нужно отметить, что развитие исторической феминологии и гендерной истории привело к трансформации научных парадигм и критическому пересмотру стандартов научной работы не только в собственной области, но и в истории вообще.

В последние три с половиной десятилетия «женская» и гендерная история широко распространились в немецкоязычных исследованиях. Им посвящены журналы (в т.ч. «Zeitschrift für historische Frauen- und Geschlechterforschung»), научные серии, тематические порталы в Интернете (напр., по исследованиям ведовских процессов). Созданы университетские подразделения с профессурой по женской истории и коллегиями по присуждению научных степеней, исследовательские центры. Женские и гендерные перспективы представлены практически в каждой локальной области истории.

Литература

1. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина исторического прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
2. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. М., 2002.
3. Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге нового времени // <http://pushkareva.narod.ru/books/zrie.htm> от 03.09.2005.
4. Histoire des femmes en Occident / Eds. G. Duby, M. Perrot. P., 1991–1992. Vol. I–V.
5. Pomata G. Histoire des femmes, histoire de genre. Observation sur le Moyen Age et l'époque moderne dans l' «Histoire des femmes en Occident» // Femmes et histoire / Eds. G. Duby, M. Perrot. P., 1993.
6. Wunder H. Frauen und Geschlechtergeschichte // Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Arbeitsgebiete-Probleme-Perspektiven. 100 Jahre Vierteljahrschrift fuer Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 2004.
7. Скотт Дж. Гендер – полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. СПб.; Харьков, 2001. Ч. II.
8. Пушкарева Н.Л. От «his-story» к «her-story»: рождение исторической феминологии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2001. № 1.
9. Пушкарева Н.Л. Гендерная методология в истории // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. М., 2002.
10. Репина Л.П. «Женская история»: Проблемы теории и метода // Средние века. 1994. № 57.
11. Будде Г.Ф. Пол истории // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 1999. Вып. 1.
12. Федотова М.Е. Женская профессиональная деятельность в Германии во 2 половине XIX–XX вв. // Женщины и общество. Тверь, 2002. Вып. 2.
13. Ким С.Г. Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. Томск, 2002.
14. Ким С.Г. Историко-антропологические исследования в немецкой науке 80-х годов // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1999. Вып. 24.
15. Geschlechtergeschichte: Normen und soziale Praxis // Fruehe Neuzeit. Muenchen, 2000.
16. Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 1999. Вып. 1.
17. Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6.
18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. М., 1996.
19. Фуко М. Говорящий пол. Сексуальность в системе микрофизики власти // Современная философия. Харьков, 1995. Т. 1.
20. Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995.

21. Chartier R. «Histoire des femmes en Occident»: XVI–XVIII siècles. Differences entre les sexes et violence symbolique // Femmes et histoire / Eds. G. Duby, M. Perrot. P., 1993.
22. Bourdieu P. Remarques sur l' «Histoire des femmes en Occident» // Femmes et histoire / Eds. G. Duby, M. Perrot. P., 1993.
23. Шаберт И. Пол как категория новой истории литературы // Пол. Гендер. Культура. М., 1999.
24. Wunder H. Ueberlegungen zum “Modernisierungsschub des historischen Denkens im 18. Jahrhundert” aus der Perspektive der Geschlechtergeschichte // Geschlechtsdiskurs. Bd. 2: Anfaenge modernen historischen Denkens. Fr.a/M., 1994.
25. Wunder H. Wie wird man ein Mann? Befunde am Beginn der Neuzeit (15.–17. Jahrhundert) // Was sind Frauen? Was sind Maenner? Geschlechtskonstruktionen im historischen Wandel. Fr.a/M., 1996.
26. Wunder H. Normen und Institutionen der Geschlechterordnung am Beginn der Fruehen Neuzeit // Geschlechterperspektiven Forchungen zur Fruehen Neuzeit. Helmer, 1998.
27. Wunder H. Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Gesschlecht // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Fruehen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht. Berlin, 2002.

Г.В. Грошева

КАТЕГОРИИ ЭТНОСА И ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Томский государственный педагогический университет

В начале XXI в., как и в прошлом столетии, среди ученых-гуманитариев не наблюдается единства в подходе к изучению и определению феноменов этноса и этничности. Особенно характерна данная ситуация для российского научного сообщества. В 1990 – начале 2000 гг., в период глубоких перемен в области теории и методологии отечественной науки, разворачиваются бурные дискуссии о содержании понятий этноса и этничности, появляется огромное число работ, посвященных переосмыслению накопленного опыта в изучении сущности этнических явлений и процессов.

Тем не менее все имеющиеся концепции и теории можно объединить в два методологически противоположных подхода к проблеме этнической субстанции: «онтологический» (примордиалистский или эссенциалистский) и «функциональный» (конструктивистский, инструменталистский) (см.: [1, с. 3–6]).

Онтологический подход предполагает наличие этнической субстанции, имеющей примордиальную, т.е. изначальную природу, либо социобиологическую, либо эволюционно-историческую. Сторонники социобиологического направления истолковывают этничность как объективную данность, изначальную характеристику человечества и полагают, что осознание групповой принадлежности заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции [2, с. 29]. Сторонники эволюционного историзма исходят из признания этнических сообществ как особых материально-духовных образований на основе общности территории, экономической жизни, языка, культуры и психологии.

В целом сторонники онтологического подхода склонны рассматривать этнические объединения

как реально и давно существующие группы с присущими им атрибутами, а этничность – в качестве консервативной силы, которая сохраняет модели ментальности и поведения предыдущих поколений. Современные подходы в рамках этой традиции признают возрастание роли духовных и организационно-политических факторов в жизни этносов, что не отрицает объективного содержания закономерности и тенденций развития этнических процессов [3].

В отечественной этнографии примордиалистский подход был практически единственным до начала 1990 гг. К его виднейшим представителям относят Л.Н. Гумилева (социобиологическое направление) и Ю.В. Бромлея (эволюционно-историческое направление).

Для функционального подхода, объединившего конструктивизм и инструментализм (гедонистические, ситуационистские, мобилизационистские концепции), характерно отрицание этнической субстанции либо ее игнорирование.

С точки зрения конструктивистов, этничность является новой социальной конструкцией и не имеет культурных корней. Этническое чувство, порождаемое на основе дифференциации культур, и формируемые в его контексте представления и «доктрины» определяются как интеллектуальный конструкт. Согласно концепции, в качестве конструирующей силы могут выступать государство, политические элиты, интеллектуалы-идеологи, «человек с улицы». Далее этот конструкт (этничность) транслируется на потенциальных представителей этноса при помощи различных средств, имеющих возможность воздействовать на сознание членов общности (система образования, средства массовой информации, книги, фильмы, выставки и